

Научный совет РАН по исторической демографии
и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

В. А. Исупов

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

*Доклад на пленарном заседании
I Международной научной конференции
по исторической демографии и исторической географии
(Сыктывкар, 11-14 мая 2011 г.)*

Сыктывкар 2011

УДК 314.148 : 930.2 : 311 (470) "1941/1945"

Исупов В. А. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. Сыктывкар, 2011. 20 с. (Доклад на пленарном заседании I Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии).

В работе рассматриваются источники, составлявшиеся в период Великой Отечественной войны и содержащие статистические данные о динамике демографической сферы СССР. Отмечено, что в указанный период был сформирован насыщенный информацией корпус документов, содержащий важные сведения о численности, составе и воспроизводстве населения страны и позволяющий реконструировать основные тенденции демографической истории в 1941–1945 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук И.Л. Жеребцов

© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011
© В. А. Исупов, 2011

Среди первостепенных, но недостаточно проработанных вопросов исторической демографии выделяется проблема статистического источника. На наш взгляд, этому важному сюжету пока уделяется недостаточно внимания. Многие статистические документы, хранящиеся в архивах страны, и особенно опубликованные и таким образом «освященные» грифом центральных и местных статистических учреждений, воспринимаются историками «на веру». Они используются без всякой критической проверки. Такая доверчивость идет подчас от незнания основных методов сбора статистических материалов.

Вместе с тем, недостаточно полное представление о наличном корпусе статистических источников не позволяет использовать в полном объеме богатейшие материалы, собранные на протяжении десятилетий отечественными статистиками. Несмотря на растущий интерес исследователей к демографическим последствиям войны, этот тезис полностью приложим и к периоду Великой Отечественной войны. Сегодня некоторые исследователи демографической истории либо полностью игнорируют имеющиеся статистические документы, либо не подозревают о существовании этого огромного массива материалов. Во всяком случае, в двух лучших работах, посвященных демографической истории нашей страны, период Великой Отечественной войны вообще обходится стороной [1]. Отметим не совсем понятное игнорирование военного периода и в документальных публикациях. Так, в серии специальных документальных публикаций по проблемам народонаселения, возобновленной Госкомстатом СССР после долгого перерыва, период Великой Отечественной войны вообще отсутствует как таковой. Между тем в изданиях этой серии публикации исторических материалов, относящихся к 1930-м, 1950-м, 1960-м, 1970-м гг., отведено достаточно много места [2]. Так же обстоит дело и в специальных «исторических» статистических сборниках [3].

В тыловых регионах России на протяжении всей войны статистики вели напряженную работу по сбору и обработке статистической информации о динамике демографической сферы страны. Результатом этой работы стало формирование насыщенного информацией корпуса источников, содержащего бесценные сведения о численности, составе и воспроизводстве населения страны. Скрупулезное изучение этих документов позволит, наконец, решить одну из главных проблем Великой Отечественной войны – определить по-

тери населения СССР. Задача данной статьи как раз в том и состоит, чтобы очертить в первом приближении круг документальных статистических материалов, на основе которых возможна реконструкция основных тенденций демографической истории России в 1941–1945 гг.

* * *

Как известно, в царской России сформировалась и приняла устойчивые формы система регистрации демографических событий на основе регистрации религиозных обрядов. Так, православные священники записывали в особых метрических книгах количество венчаний, крещений, отпеваний. Фиксацию аналогичных обрядов вели и представители других конфессий. Статистики использовали получаемую информацию для определения тенденций брачности, рождаемости, смертности. После Октябрьской революции, в конце 1917 г., пришедшие к власти атеисты-большевики предприняли попытку перейти к светской системе регистрации демографических событий. Теперь регистрация рождений, браков, разводов и смертей была возложена на специальные государственные учреждения – загсы (запись актов гражданского состояния). В сельской местности право регистрации демографических событий было предоставлено сельским советам.

Старая система фиксации демографических событий была очень быстро разрушена, новая же устанавливалась с большими сложностями. Формирование новых органов учета затянулось и не было окончательно завершено даже к началу Второй мировой войны, несмотря на то, что государство прилагало большие усилия для становления светской системы регистрации. Всю неточность сложившейся системы регистрации демографических событий вскрыла перепись 1937 г. Начальник ЦУНХУ Госплана СССР И. А. Краваль в 1937 г. в одном из черновых вариантов записки «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения», объясняя расхождение между итогами переписи и данными текущего учета населения, писал: «Источником ошибок текущего учета населения служила исключительно плохо организованная система загсовской регистрации рождаемости и смертности... Итоги переписи с полной очевидностью показали наличие крупнейших дефектов о постановке текущего учета... Не везде имеются загсы, а имеющиеся загсы еще недостаточно точно регистрируют рождения и смерти и не полно представляют отчетность» [4].

К 1939–1940 гг. положение в какой-то степени улучшилось. Количество загсов в РСФСР к 1939 г. достигло 42509, из них 1456 действовали в городских поселениях и 41053 (включая в это число сельсоветы, имевшие право регистрации демографических событий) – в сельской местности [5].

На территории России, охваченной загсовским учетом, проживали 108,3 млн. чел. [6]. Если учесть, что население РСФСР по переписи 1939 г. составляло 109,4 млн. чел. [7], то нетрудно сделать вывод, что загсовским учетом была охвачена территория, на которой проживало почти 99% населения РСФСР. К аналогичному выводу пришли известные демографы Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова. По их данным, доля населения России, проживающего на территориях, где систематически велась регистрация рождений и смертей, повысилась с 94,7% в 1934 г. до 99,9% в 1939 г. [8].

Но даже значительный охват территории загсовским учетом не означал всеобщей, без пропусков фиксации демографических событий. Даже там, где имелись полноценно функционирующие загсы, демографические события регистрировались с большими погрешностями. Люди по тем или иным причинам не фиксировали рождения и особенно смерти. По оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, в 1934–1936 гг. в СССР не было зафиксировано свыше 16% рождений и почти 24% смертей [9]. В марте 1940 г. начальник ЦУНХУ Госплана СССР И. В. Саутин докладывал Председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому: «Вследствие неполного охвата Загсов (*так в документе – В. И.*), а так же вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в Загсах..., цифры не являются вполне точными. При рассмотрении их необходимо иметь в виду, что не регистрация населением смертных случаев органами Загсов наблюдается относительно чаще, чем не регистрация рождений» [10] (*Здесь и далее стиль и орфография в цитируемых документах сохранены без изменений*).

Таким образом, в довоенные годы перед властями стояла важная задача – усовершенствовать порядок регистрации демографических событий. Власти прилагали серьезные усилия в этом направлении. В июле 1934 г. загсы были переданы в ведение образовавшегося общесоюзного наркомата Внутренних дел (НКВД СССР). В его недрах был создан Отдел записи актов гражданского состояния. Тем самым была подчеркнута важность, которая придавалась государством своевременной регистрации рождений и смертей. Примерно через год, 21 сентября 1935 г., увидело свет постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения» [11]. Постановление предписывало выдачу специальных свидетельств о рождении, обязательных при поступлении на учебу и военную службу, т. е. документов, имеющих юридическую силу. Это было сделано для того, чтобы побудить население регистрировать рождение детей. Одновременно постановление предусматривало уголовную ответственность секретарей сельсоветов за отказ или несвоевременную регистрацию родившихся и умерших. Следующим шагом стало постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1936 г. «О порядке и сроках регистрации рождений и смертей» [12]. Это постановление устанавливало обязательные сроки регистрации родившихся и

умерших, а также административную и уголовную ответственность граждан за уклонение от регистрации. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1938 г. уголовная ответственность была возложена и на работников загсов, виновных в систематическом нарушении сроков предоставления органам народнохозяйственного учета отчетных материалов [13].

К концу 1930-х – началу 1940-х гг. случаи рождений, смертей и браков в РСФСР фиксировались, как и прежде, не полностью. Но основная их масса всё же попадала в статистическую отчетность. Полнота регистрации была достаточной для проведения научного анализа или хотя бы для выявления основных тенденций развития. Как писал в марте 1940 г. И. В. Саутин (в ранее цитировавшейся докладной записке) Н. А. Вознесенскому, неполная регистрация актов гражданского состояния «не может повлиять на выводы» [14]. В нашей стране сложилась не идеальная, но достаточно стройная и в принципе работоспособная система учета демографических событий. В этой системе первичная регистрация рождений, браков, разводов и смертей была возложена на загсы, которые выдавали гражданам все необходимые документы: свидетельства о рождении, свидетельства о смерти, свидетельства о заключении брака. Они же производили все записи в специальных книгах учета. Записи производились в двух экземплярах. Вторые экземпляры записей работники загсов передавали в районные инспектуры органов статистики. Районные статистики после обработки материалов направляли их в областные (краевые) статистические управления или статистические управления автономных республик. Обобщенные на этом уровне и уточненные демографические данные поступали в Центральные статистические управления союзных республик (в нашем случае – ЦСУ РСФСР) и, наконец, направлялись для получения окончательных сводных итогов в ЦСУ СССР.

Следовательно, усилия властей по улучшению учета рождаемости и смертности, предпринятые во второй половине 1930-х гг., положительно сказывались на точности регистрации демографических событий. Вместе с тем переоценивать точность статистических данных было бы ошибочно. Все же статистический учет в нашей стране перед началом Великой Отечественной войны проводился с большими погрешностями. Так, в 1940 г. в Советском Союзе было зарегистрировано 6,1 млн. родившихся, тогда как на самом деле, как показали современные расчеты, на свет появилось почти 7 млн. младенцев (погрешность почти 15%). В этом же году загсами было зафиксировано 3,5 млн. смертей. На самом деле умерло 4,2 млн. чел. (погрешность около 20%) [15]. **С большими погрешностями регистрировались пол и возраст умерших, что приводило к искажению информации о половозрастном составе населения. Это вызывало ошибки в расчетах численности и состава населения отдельных регионов страны.**

Только с началом боевых действий выяснилось, что Советский Союз вступил в войну, не имея точного и цельного представления о своих людских ресурсах. Идеологические игрища, затеянные властями вокруг статистических органов, их погром в 1937 г., желание скрыть последствия голода 1932–1933 гг., преднамеренное искажение данных переписи населения 1939 г. только ухудшили ситуацию. В июле 1942 г. Новосибирский обком ВКП(б) под давлением обстоятельств военного времени принял явно запоздалое, но важное решение об организации специального обследования людского потенциала области с целью его последующего рационального использования. Отметим попутно, что Новосибирская область оказалась единственной в Западной Сибири, а, возможно, и в стране, где в годы войны было проведено подобное обследование. Его итогом стал фундаментальный 340-страничный аналитический доклад, подготовленный отделами обкома и облисполкома при активном участии местных научных работников. Составители доклада посчитали необходимым специально подчеркнуть: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (*демографических* – В. И.) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела, – не имеется. Органы статистического управления до последнего времени не занимались учетом и анализом происходящих сдвигов в составе населения и потому не располагают соответствующими материалами. Между тем этот вопрос сейчас, в обстановке отечественной (*так в источнике* – В. И.) войны, приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию» [16]. В результате властям при расчете людских ресурсов и организации трудовых и военных призывов приходилось действовать не по заранее составленному плану, а импровизировать, принимать ситуационные решения, далеко не во всех случаях основанные на точных данных.

Великая Отечественная война усложнила условия деятельности загсов по сбору материалов. Это связано, прежде всего, с быстрым наступлением противника и оккупацией советских территорий. По мере продвижения немецко-фашистских войск на восток из сферы учета выпадали одна за другой огромные территории. К декабрю 1941 г. в сфере советского загсовского учета осталась 41 территория. Здесь располагалось 29,4 тыс. загсов. Из них сведения по естественному движению населения представило только 99,8% загсов. На территориях, охваченных загсовским учетом, проживали 72,8 млн. чел. [17]. К декабрю 1941 г. из сферы учета выпали территории, на которых было сосредоточено около 37 млн. чел. Это, несомненно, отразилось отрицательно на качестве получаемых статистических сведений. Летнее наступление немецких войск в 1942 г. привело к дальнейшему расширению оккупированной территории и, соответственно, к сокращению территорий,

охваченных статистическим учетом. В разгар Сталинградского сражения, в декабре 1942 г., на неоккупированных территориях РСФСР действовали 28817 загсов, из которых только 28686 (99,5%) представили сведения. Они обслуживали территорию, на которой проживали 67,9 млн. чел. [18].

Коренной перелом в годы Великой Отечественной войны, наступление Красной армии, освобождение территории страны от захватчиков означали и расширение учетных территорий. Загсы на освобожденных территориях немедленно восстанавливались. В декабре 1943 г. в РСФСР действовали почти 36 тыс. загсов, из которых 35 тыс. предоставили органам статистики сведения по естественному движению населения. На территориях, охваченных загсовским учетом, сосредотачивались примерно 75,9 млн. чел. [19]. В 1944 г. охват населения РСФСР загсовским учетом повысился до 99,4%, в том числе в сельской местности он составлял 99,4, в городских поселениях – 100% [20].

Безусловно, в годы войны из-за резкого сокращения территорий учета качество данных о демографических событиях сократилось. Для полноценного анализа демографических параметров, охватывающих всю территорию страны в целом, недостает сведений. В частности, отсутствуют данные о динамике демографических показателей по западным областям РСФСР, подвергшихся оккупации еще в 1941 г. и освобожденных только в 1943 г. Вместе с тем в тыловых районах, не подвергавшихся оккупации, система учета естественного движения населения функционировала исправно. В районах глубокого тыла, таких как, например, Урал, Сибирь, Поволжье, Дальний Восток сбоя в загсовском учете вообще не было. Загсы продолжали функционировать даже в осажденном Ленинграде.

Очень важно, что власти в военные годы были заинтересованы в улучшении качества учета – данные загсов, обработанные статистиками использовались при организации карточной системы, для определения наличных ресурсов рабочей силы и военно-мобилизационного потенциала. Так, без данных, поставляемых загсами, власти не были в состоянии определить количество детей а, следовательно, не могли знать, какое количество детских садов и яслей необходимо, чтобы высвободить потенциальных работников-женщин? Это были исключительно прагматические цели. Они-то и вынуждали власти уделять вопросу учета людских ресурсов большое внимание.

Какие же данные фиксировали загсы, и по каким параметрам эти данные обрабатывались статистиками? Прежде всего укажем на главный статистический документ, содержащий все базисные сведения, необходимые для всестороннего анализа естественного движения населения, так называемую форму № 1 «Сведения о естественном движении населения за 19__ г.». Здесь сосредотачиваются материалы о числе родов (включая мертворожденных), количестве многоплодных родов (отдельно с двойнями, с тройнями, с боль-

шим количеством близнецов). Эта же форма содержит сведения о числе родившихся с разбивкой по половому признаку (мальчики, девочки, оба пола), а также о количестве мертворожденных (также с разбивкой по полу). Эта же форма содержит информацию, характеризующую общие характеристики смертности: число умерших (с дифференциацией по полу), число детей, умерших в возрасте моложе одного года (также с дифференциацией по полу). Форма № 1а отражает также основные тенденции брачности, а именно число браков и число разводов. Все данные в форме № 1 приводятся с разбивкой по календарным месяцам года.

Информация, содержащаяся в форме №1, дублируется формой «А» – «Итоги регистрации актов гражданского состояния за 19__ г.». Единственное её отличие от формы № 1 – отсутствие информации с учетом гендерного фактора. Форма «А» не предусматривает дифференциации сведений по полу. Важной характеристикой этой формы является помесечное отражение демографических событий от января к декабрю. Содержит она и итоговую строку. В данном случае мы сталкиваемся с типичным примером дублирования информации. Это имеет большое значение для исследователей, так как дает возможность сопоставлять данные разных документов.

Годовые итоги естественного движения населения подводятся в форме № 1а «Общие итоги естественного движения населения за 19__ г.». Таблицы этой формы составлены так, чтобы можно было получить сведения об основных количественных характеристиках естественного движения в городских и сельских поселениях не только страны в целом, но и её отдельных регионов.

Кроме фиксации данных об общих тенденциях естественного движения населения, статистические материалы военных лет содержат большое количество ценных сведений, характеризующих различные узкоспециальные аспекты рождаемости. Прежде всего укажем на сбор и обработку сведений о родившихся по возрасту матери. В результате мы располагаем статистическим материалом, дающим возможность анализа изменений возрастной структуры когорты матерей в течение всей Великой Отечественной войны.

На завершающем этапе войны, в частности в 1944 г., произошли значительные изменения в демографической политике советского государства. Теперь необходимо было продумывать послевоенную демографическую политику и, учитывая огромные потери, максимально стимулировать рождаемость, а также укреплять неизбежно расшатавшиеся за годы войны семейные устои. Президиум Верховного Совета СССР, обеспокоенный расшатыванием семейных устоев и падением рождаемости, 8 июля 1944 г. принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [21].

Однако этот указ имел множество внутренних противоречий, что нашло отражение в деятельности статистических органов страны. Издав указ от 8 июля 1944 г., Президиум Верховного Совета СССР в сущности поощрял внебрачное сожителство, рассчитывая таким способом повысить количество рожденных детей. Указ отменил право женщины на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Отныне советское брачно-семейное законодательство признавало только официально зарегистрированный брак: только он порождал соответствующие права и обязанности. Установление отцовства в отношении ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака, не допускалось даже в случае, если мужчина добровольно признавал себя отцом. Детям, родившимся вне брака, в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк.

Для того чтобы фиксировать количество внебрачных детей, ЦСУ Госплана СССР 19 декабря 1944 г. ввело в статистическую отчетность новую форму. Отныне загсы собирали, а статистики обрабатывали «Сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце по возрасту и занятию матери за 19__ г.». Таким образом, сегодня историки имеют бесценные сведения не только о количестве внебрачных рождений (что достаточно точно и глубоко характеризует гендерные отношения и тенденции развития советской семьи), но позволяет соотнести эти процессы с возрастными характеристиками матерей и их социальным статусом. Статистики при сборе сведений о женщинах, родивших ребенка вне брака, фиксировали женщин, работающих в государственных и кооперативных предприятиях и учреждениях, колхозах, а также домохозяйках и пр.

19 декабря 1944 г. ЦСУ Госплана СССР утвердило форму № 2 «Сведения о родившихся по порядку их рождения и возрасту матери за 19__ г.». Сбор сведений по этой форме позволяет ныне выяснить не только возраст матерей, но и определить очередность рождения детей, выявить, какой по счету ребенок родился у матери.

Очень большой массив статистических материалов, хранящихся ныне в основном в архивах (эти сведения не публиковались), характеризует брачность населения. Они содержатся в так называемой форме № 7 «Сведения о браках по возрастам брачующихся за 19__ г.». Здесь имеются сведения не только о числе заключенных браков, но и о возрасте женихов и невест. Анализ изменений брачности и возраста мужчин и женщин, вступающих в брак, на протяжении военных лет дает возможность достаточно полно охарактеризовать катастрофу, которую пережила советская семья в 1941–1945 гг. В этом аспекте очень насыщены информацией материалы о разводах. Данные о числе разводов сосредоточены в формах № 1, 1а и «А». Но помимо этого статистики разрабатывали сведения о разводах по двум очень важным па-

раметрам, вследствие чего сегодня историки имеют: «Сведения о разводах по возрасту разводящихся» и «Сведения о разводах по продолжительности совместного проживания в браке». В обоих случаях материалы дифференцируются по городским и сельским поселениям.

Очень большое внимание уделяли работники загсов и органов статистики сбору и обработке данных о смертности. Этот элемент воспроизводства населения достаточно полно отражен в статистических документах военных лет. Данные о количестве смертных случаев с разбивкой по полу, городским и сельским населенным пунктам, с выделением «отдельной строкой» детей, скончавшихся в возрасте моложе одного года, отражены в формах № 1, 1а и «А». Поскольку формы № 1 и «А» содержат данные о помесечных колебаниях смертности в течение отчетного года, это дает возможность определить воздействие природно-климатических факторов на динамику смертности и таким образом вычленить воздействие на динамику смертности факторов социального порядка, вскрыть степень «контролируемости» процесса смертности.

Кроме того, сведения о возрасте умерших (в одногодичных возрастных группах) в совокупности с половой принадлежностью умерших и с разбивкой на городское и сельское население содержатся в форме № 4, утвержденной ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.

Но главным и самым информативным статистическим источником сведений о смертности в годы Великой Отечественной войны была форма № 5, утвержденная ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.: «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти за 19__ г.». Этот статистический документ составлялся на основе врачебных (но часто и фельдшерских) заключений о причинах смерти только в городах. В сельской местности учет смертности по причинам смерти из-за нехватки медиков не проводился. В военные годы, согласно номенклатуре, выделялись 84 причины смерти (включая сюда неточно обозначенные и прочие). Это вполне позволяет классифицировать смертность как экзогенную (зависимую от условий существования) и эндогенную (как фактор старения человеческого организма). Таким образом, этот источник дает возможность трактовать динамику смертности не столько как биологический, но как социальный процесс, что особенно важно для исторической демографии.

Немаловажно, что таблицы формы № 5 предусматривают достаточно подробную разбивку умерших по возрастным группам. Они выделяют в отдельную возрастную группу детей, умерших в возрасте моложе одного года (в том числе и до одного месяца). Это предоставляет исследователю возможность для детального анализа причин детской смертности. Отметим, что в военные годы фиксировались также смерти детей, умерших в возрасте до одного месяца по дням жизни.

В качестве вспомогательного (и дублирующего) статистического документа для изучения тенденций смертности населения могут быть использованы также таблицы формы 5а (утверждены ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.) «Сведения об умерших по причинам смерти, зарегистрированных в 19__ г.». Единственное преимущество таблиц этой формы состоит в том, что они содержат цифровые данные о сезонности смертности (по календарным месяцам года) в совокупности с причинами смерти людей.

Особое место в динамике смертности занимала смертность военнослужащих. Боевые потери Красной армии фиксировались по особым правилам органами Наркомата обороны СССР и в настоящей статье не рассматриваются [22]. Что касается смертей бойцов и командиров Красной армии, скончавшихся в глубоком тылу, то они также не регистрировались гражданскими загсами. Смертность военнослужащих, где бы она ни наступила, фиксировалась только в Наркомате обороны СССР. Начальник ЦСУ Госплана СССР В. Н. Старовский 15 апреля 1942 г. в письме заместителю начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии НКО генерал-майору Белякову нашел нужным специально подчеркнуть: «ЦСУ Госплана СССР считает целесообразным, во избежание двойного учета, установить на период военного времени регистрацию смертей всех военнослужащих только в органах Наркомата Обороны» [23]. Несколько месяцев спустя, 21 июля 1942 г., начальник Отдела демографии ЦСУ СССР И. Ю. Писарев в циркулярном письме, разосланном во все статистические управления союзных республик, напомнил, «что смерти военнослужащих, погибших на фронтах и умерших от ран и болезней в госпиталях, регистрируются органами НКО СССР и регистрации в органах ЗАГС НКВД СССР не подлежат» [24].

Смертность пенитенциарных групп населения, как и смертность военнослужащих, регистрировалась особым образом. В 1939 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 00674 была предпринята попытка организовать учет смертности заключенных с использованием общегражданской системы регистрации демографических событий. Начальникам лагерей, колоний и тюрем было вменено в обязанность, в трехдневный срок направлять в загсы и сельсоветы по месту проживания узников (до момента ареста) извещения о каждом случае смерти. Но приказ этот выполнялся крайне неохотно. Материалы о смерти заключенных страдали неполнотой и направлялись в загсы и сельсоветы с большим опозданием. Те немногие данные из лагерей и колоний, которые все-таки поступали в загсы и сельсоветы, перемешивались с материалами о смертности гражданского населения. Это делалось для того, чтобы было невозможно вычлнить сведения о смертности пенитенциарного населения из общего массива статистических материалов [25].

В этом отношении представляет большой интерес «Объяснительная записка к годовому отчету по г. Ленинграду», направленная в ЦСУ Госплана СССР из Отдела населения и здравоохранения Статистического управления Ленинграда 21 мая 1941 г. В записке, в частности, указывалось: «Качество материала несколько пострадало из-за поступивших в конце 1940 года актов на заключенных, умерших в лагерях вне гор. Ленинграда, без врачебных свидетельств с большим процентом неточных указаний причин смерти, с очень большим запозданием (за 1935–1939 гг.)... Начальник ОАГС разъяснил, что эти случаи по месту нахождения лагерей не регистрируются, а смерть их регистрируется по месту проживания их родных, поэтому все умершие в лагерях за 1940 г. вошли в годовую разработку» [26]. Такая ситуация прослеживается в течение всех лет войны. В этой связи основным источником данных о смертности пенитенциарных групп являются не данные загсов, обработанные статистиками, а внутриведомственные документы и текущая статистическая отчетность органов НКВД. Как обоснованно указывает В. Н. Земсков, эти материалы «значительно полнее и надежней, чем, скажем, статистика загсов» [27].

Очень важной проблемой демографической истории России периода Великой Отечественной войны являются половозрастные деформации, образовавшиеся в населении страны вследствие массовых воинских мобилизаций, гибели людей в боевых действиях, в плену, в результате карательных акций оккупантов, повышения смертности и резкого понижения рождаемости населения в тылу. В свою очередь аномалии в половозрастном составе населения влияли не только на рождаемость, но также на формирование и использование людского потенциала, как военно-мобилизационного, так и трудового.

Для периода Великой Отечественной войны источники позволяют с достаточной степенью достоверности определить половозрастные деформации, сложившиеся в сельской местности. Основным источником сведений о составе сельского населения в военные годы является единовременная отчетность, которая велась сельскими советами. Система похозяйственного учета, сложившаяся в нашей стране, состояла из двух видов первичного учета – похозяйственных книг и списка лиц, временно проживающих на территории, подведомственной сельсовету. Похозяйственные книги содержали сведения о каждом отдельном хозяйстве и, соответственно, о каждом члене хозяйства (семьи). В списки временно проживающих вносились все прибывшие на срок более месяца.

Похозяйственные книги и списки временно проживающих служили основой для составления на начало каждого года единовременного отчета с распределением всего наличного населения по полу, возрасту и ряду дру-

гих признаков. В ноябре 1942 г. ЦСУ Госплана СССР утвердил специальную форму «С» «Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения в _____ сельсовете _____ района _____ области (края) на 1 января 19__года». Отчет подписывали председатель и секретарь сельсовета. Таким образом, начиная с 1943 г. эти отчеты ежегодно направлялись районным инспекторам ЦСУ, которые проводили их статистическую обработку и передавали полученные сведения в высшие инстанции. Необходимость получения таких статистических данных диктовалась тем, что материалы переписи 1939 г. в силу ряда организационных пороков изначально не могли служить надежной базой для анализа. К тому же изменения, прошедшие в населении за несколько лет после переписи, были слишком значительны, чтобы ими пренебрегать. Власти требовали «свежую» информацию о численности и составе населения.

Единовременные отчеты сельсоветов преследовали главным образом фискальные и мобилизационные цели. Их активно использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты сельсоветов о численности и структуре сельского населения проверялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно для исторической демографии, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в наиболее активных возрастах от 18 до 49 лет.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения в военные годы. Поэтому исследователи поставлены перед необходимостью использовать такой источник, как списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) и Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В эти списки вносились граждане страны в возрасте 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. № 13842Р разрешил статистикам использовать эти списки для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения [28].

Недостатком списков избирателей как источника сведений о структуре населения Советского Союза было то, что в них включались не все группы населения. В частности, в списки не включались лишенные избирательных прав заключенные и спецпереселенцы. Исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. Кроме того, информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не

может считаться статистически «чистой», так как списки составлялись после завершения войны. Они имеют своего рода «примеси» в связи с притоком мужчин в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Нельзя упускать из виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в городах была значительно напряженной, чем это показывает используемый источник.

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения. Чтобы получить данные о численности и структуре населения моложе 18 лет, в декабре 1947 – январе 1948 гг. в городских поселениях страны был проведен подсчет детей и подростков. Организатором подсчета было ЦСУ Госплана СССР. Подсчет являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10-14% детей и подростков и показала, что погрешность подсчета составила незначительную величину – всего 2% [29].

Подсчет численности населения моложе 18 лет показал, что к началу 1948 г. в возрастной структуре этой группы населения образовались две глубокие демографические ямы, соответствующие двум мощным демографическим катастрофам (1932–1933 и 1941–1945 гг.), обрушившимся на Советский Союз в XX столетии.

Очень большое значение в годы Великой Отечественной войны придавалось определению численности населения страны. Во-первых, это было важно в аспекте определения объема людского потенциала страны, пригодного для боевого и трудового использования. Во-вторых, без точного представления о численности населения было практически невозможно установить перспективы послевоенного развития. К тому же в условиях плановой экономики знаниям о численности населения власти придавали особое значение.

Работа по определению численности населения проводилась в течение всего военного времени. Основной груз ответственности возлагался на местные (областные и краевые) статистические управления. В довоенные годы отправной точкой для расчетов служили результаты переписей населения. К данным переписи (пересчитанной по состоянию на начало года) прибавлялись числа родившихся и прибывших в течение года и вычитались числа умерших и выбывших (естественный и механический приросты). По-

лученная оценка становилась отправной точкой для последующих расчетов. В ЦСУ РСФСР со всех концов страны стекались расчетные данные из краевых и областных статистических управлений. Здесь они проверялись и суммировались. Перепись 1939 г. послужила основой для определения численности населения страны на начало 1940 г., а эта цифра стала отправной для расчетов численности населения на начало 1941 г. (с учетом изменения внешних границ СССР после 17 сентября 1939 г.).

Такой метод предполагает достоверность данных по каждому из компонентов расчета – как по естественному, так и по механическому приростам. Кроме того, при расчетах численности населения Советского Союза статистики пренебрегали внешней миграцией как величиной незначительной. Но это было недопустимо при расчетах численности населения РСФСР и отдельных регионов России. Соответственно, погрешности в регистрации миграций значительно понижали правильность расчетов численности населения. Что касается военного периода, то для него точные сведения о естественном, но особенно о механическом приросте были в принципе невозможны. Война сдвинула с насиженных мест миллионы людей. В западном направлении перемещались воинские эшелоны. Им навстречу двигались эвакуированные, спецпереселенцы и депортированные народы. Крестьянская молодежь перемещалась в города для работы в промышленности, на транспорте и стройках, для учебы в ремесленных и железнодорожных училищах, в техникумах и вузах. Ближе к завершению войны развернулись процессы реэвакуации. Великая Отечественная война отличалась от мирного времени интенсивными и подчас хаотичными территориальными перемещениями людских масс. Это не могло не привести к сбою в расчетах.

Вместе с тем в военные годы у статистиков появились новые и достаточно надежные источники информации. В городах для уточнения численности населения использовались сведения о количестве выданных хлебных карточек. Эти данные были относительно полными, так как большинство горожан было лично заинтересовано в их оформлении.

В сельской местности расчеты численности населения опирались на уже упоминавшиеся ранее единовременные отчеты сельсоветов о возрастном и половом составе сельского населения. Они содержали сведения о количестве всех проживавших на территории сельсовета – о колхозниках (по похозяйственным книгам), рабочих, служащих, единоличниках, кооперированных и некооперированных кустарях, о временно проживающих (по книгам учета и спискам).

Таким образом, сегодня мы располагаем не точными, но в принципе пригодными для научного анализа сведениями о численности населения тыловых районов страны с распределением его на городское и сельское. Расчеты проводились на начало, середину и конец года. За 1945 г. обнаружены

помесячные данные о численности населения. Повторим, что оценочные расчеты численности населения страны и её отдельных регионов не могут считаться точными, так как определить точно число родившихся и умерших, но главным образом прибывших и убывших было невозможно. Но эти оценки вполне приемлемы для определения основных тенденций динамики численности населения России в годы Великой Отечественной войны.

Очень важно не упустить из виду, что расчеты численности населения охватывали только гражданское население без армии, госпиталей и спецконтингента. Соответственно, советская демографическая статистика не учитывала миллионы людей, которые, по сути, игнорировались общегражданскими организациями. Сегодня нам известно, что за четыре года войны в Вооруженные силы СССР было мобилизовано 29,6 млн. чел., а всего с кадровым составом, находившимся к 22 июня 1941 г. на действительной военной службе в Красной армии и Военно-морском флоте – 34,5 млн. чел. [30]. Максимальной одномоментной численности Красная армия достигла 1 января 1945 г., когда в строю насчитывалось 11,1 млн. солдат, сержантов и офицеров [31]. Число военнослужащих, госпитализированных в военные годы, составляло свыше 22,3 млн. чел. [32]. При этом на 1 января 1942 г. на излечении в госпиталях находились 606,8 тыс. чел., на 1 января 1943 г. – 949 тыс., на 1 января 1944 г. – 1255,3 тыс., на 1 января 1945 г. – 915,3 тыс. чел. [33].

Численность заключенных в годы войны колебалась от 1,9 млн. чел. в 1941 г. до 1,5 млн. чел. в 1945 г. [34]. Кроме того, в Советском Союзе на 1 октября 1941 г. насчитывалось 936,5 тыс. трудпоселенцев («кулацкая ссылка») [35]. К 1 января 1945 г. количество спецпереселенцев и ссыльно-поселенцев превысило 2217,7 тыс. чел. [36]. По поводу запутанности учета спецпереселенцев мы имеем авторитетное свидетельство заместителя уполномоченного Госплана СССР по Коми АССР П. Иванова. Отмечая неразбериху в учете спецпереселенцев, он отмечал, что спецпереселенцы не проходят процедуры прописки-выписки в паспортных столах, а, следовательно, об их прибытии и выбытии гражданские статистические органы сведений не имеют. В сельской местности, указывал П. Иванов, часть спецпереселенцев попадает в списки сельсоветского учета, другая часть – не учитывается [37].

Таким образом, миллионы граждан не игнорировались при расчетах численности населения местными областными и краевыми статистическими органами. По учету ЦСУ Госплана СССР, военнослужащие и спецконтингент проходили как «нераспределенные по территориям». Они включались в состав населения Советского Союза в целом, но не учитывались при расчетах численности населения союзных и автономных республик, краев и областей.

Таким образом, складывалась весьма противоречивая учетная ситуация. На 1 января 1942 г. численность населения не подвергшихся оккупации ре-

гионов СССР была определена в 150,2 млн. чел. В это число включалось население, не распределенное по территориям, а именно военнотружущие в армии и госпиталях, заключенные и частично спецпереселенцы. Их количество составляло 24,5 млн. чел., что составляло 16% от общей численности населения [38]. Следовательно, когда ЦСУ СССР указывало, что в РСФСР на эту дату насчитывало 96,1 млн. чел. [39], необходимо иметь в виду что на самом деле реальная численность населения РСФСР была значительно больше, так как нераспределенные по территории в данном случае не учитывались. Но выявить количество нераспределенных по территориям в региональном аспекте: в отдельных союзных и автономных республиках, краях и областях – не представляется возможным.

Отметим, однако, что численность нераспределенных по территориям к концу войны сократилась. На 1 января 1945 г. население СССР по оценкам ЦСУ СССР составляло 179,6 млн. чел., в том числе число нераспределенных по территориям было определено в 16 млн. чел., или 9,4% от населения страны [40].

Сегодня историки имеют довольно значительный корпус источников, который делает возможным научный анализ основных тенденций динамики демографической сферы России в годы Великой Отечественной войны.

Литература и источники

1. Андреев Е. Н., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1991; Андреев Е. Н., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.
2. См., напр.: Население СССР. 1987: Стат. ежегодник. М., 1988; Население СССР. 1988: Стат. ежегодник. М., 1989 и др.
3. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сборник. М., 1990; Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сборник. М., 1998.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 6, 10.
5. Там же. Д. 790. Л. 214.
6. Там же.
7. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1993. С. 21.
8. Андреев Е. Н., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России... <http://www.demoscope.ru/knigi/-dars/adk.html>).
9. Андреев Е. Н., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 44.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 20.
11. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1935. 20 июня. № 32. Отд. I.

12. Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам в помощь госсанинспектору и эпидемиологу. М.; Л., 1941. С. 43.
13. ГАКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 20.
15. Андреев Е. Н., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 55.
16. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 23.
17. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553. Л. 1.
18. Там же. Д. 794. Л. 4.
19. Там же. Д. 796. Л. 159.
20. Там же. Д. 1456. Л. 1.
21. Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967. М., 1968. Т. 2. С. 409–417.
22. См. подробнее: Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 206–214.
23. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 66.
24. Там же. Д. 793. Л. 3.
25. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 26–27.
26. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 142.
27. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.
28. ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 7.
29. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 691. Л. 2.
30. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 36.
31. Там же. С. 39.
32. Там же. С. 55.
33. Там же. С. 39.
34. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования, 1991. № 6. С. 11.
35. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 99.
36. Там же. С. 119.
37. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 417. Л. 89.
38. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 68.
39. Там же.
40. Там же. Л. 119.

Научное издание

Исупов Владимир Анатольевич

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Печатается по решению оргкомитета
I Международной научной конференции
по исторической демографии и исторической географии

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 1,13. Усл. печ. л. 1,25.
Тираж 100 экз. Заказ № 26 (139).

Редакционно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.